

Автор сценария презентации  
Журавлева О.Я.,  
учитель русского языка и литературы  
МБОУ школа № 13с УИО г. Жуковский Московской области.

**Презентация книги А.П. Чудакова  
«Ложится мгла на старые ступени»  
(9-11 класс)**

**«Это одна из тех редких книг, в которой – Россия как таковая»**

Цели: познакомить с творчеством А.П.Чудакова и его книгой «Ложится мгла на старые ступени», формировать интерес к историческому прошлому страны, развивать чувство патриотизма, формировать убеждение о важности семьи в жизни человека.

Оформление: видеоролик о книге, мультимедийная презентация, выставка книг.

*Начало: звучит мелодия песни «Гляжу в озера синие»*

*1-й слайд:*



**А.П. Чудаков**

**«Ложится мгла на старые ступени»**

*2-й слайд*

**«Это одна из тех редких книг, в которой – Россия как таковая»**

*Песня «Россия – ты моя любовь» в исполнении ученицы*

*(сопровождение - видеоролик)*

*3-й слайд*

**Чудаков Александр Павлович (1938-2005)**

«...душа моя будет смотреть на вас оттуда, а вы, кого я любил, будете пить чай на нашей веранде, разговаривать, передавать чашку или хлеб простыми, земными движеньями; вы станете уже иными – взрослее, старше, старее. У вас будет другая жизнь, жизнь без меня; я буду на вас глядеть и думать: помните ли вы меня, самые дорогие мои?..»

*(слова читает в рубке в микрофон ученик)*

### **Вступительное слово ведущего (учителя):**

Здравствуйте, дорогие старшеклассники и учителя. Сегодня в нашем читательском клубе мы представляем книгу Александра Чудакова «Ложится мгла на старые ступени».

Чудаков Александр Павлович – российский литературовед и писатель, специалист по творчеству Чехова, доктор филологических наук.

Александр Чудаков опубликовал эту книгу в двухтысячном году. Она задумана автором еще в юности, но замысел был реализован только в конце жизни, и других художественных произведений в творчестве писателя не было. Сразу же после публикации роман получил самые лучшие отзывы и рецензии. В 2011 году он был назван лучшим романом десятилетия, и А.Чудакову посмертно была присуждена премия «Русский Букер».

*3-хминутный фильм о книге - видеоролик*

**Ведущий.** О книге и ее героях нам расскажут сам автор Александр Чудаков: он оставил нам дневниковые записи, которые вел с 18 лет, и его жена, тоже филолог и писатель, Мариэтта Чудакова.

*4-й слайд*



**Александр Павлович Чудаков**



**Мариэтта Омаровна Чудакова**

**Ведущий.** Помогут нам литературные критики и актеры-чтецы, которых мы также пригласили в наш читальный зал.

*(выходят ученики, садятся за столы, на каждом столе указатели с именами участников презентации)*

**Мариэтта Чудакова (из книги «Сборник памяти»):** Чудаков Александр Павлович родился 2 февраля 1938 года в Щучинске Казахской ССР в семье учителей. Его отец, Павел Иванович Чудаков, выпускник истфака МГУ, был родом из Тверской губернии – из села Воскресенского Бежецкого уезда. В 20-е годы вся его семья – родители, пятеро их сыновей и дочь – жила в Москве, на Пироговке.

После ареста одного из братьев самый младший, будущий отец Ч., в то время – строитель московского метрополитена – принял спасительное решение: уехать как можно дальше от Москвы. Так он оказался в Казахстане; вскоре вместе с молодой женой Евгенией Леонидовной Савицкой осел в городе Щучинске (близ курорта Боровое), где уже находились дед и бабушка Александра со стороны матери – Леонид Львович Савицкий (из священников, окончивший Виленскую духовную семинарию, но ставший не священником, а учителем гимназии) и Ольга Петровна, урожденная Налочь-Длусская-Скłodовская.

**Критик 1.** В своем единственном романе, который является автобиографическим, Александр Чудаков рассказал о своем детстве, о своей семье, о множестве людей, окружавших его в далеком городке на границе Сибири и Казахстана в 1930-1940-е годы и о студенческой юности в Москве 1950-1960-х.

**Александр Чудаков.** (*Из дневника 1956 г.*) Хочу попробовать написать историю молодого человека нашей эпохи, используя автобиографический материал, но не давая своего портрета.

**Критик 2.** В романе писатель выводит себя под именем Антон, городок называет Чебачинском (в тех местах есть озеро Чебачье, а родной город Щучинск находится на озере Щучьем). Чебачинск – город ссыльных...

*1 чтец читает отрывок – 3 слайда – пейзажи по очереди*

**Чтец 1.** Из романа «Ложится мгла на старые ступени»: Такого количества интеллигенции на единицу площади Антону потом не доводилось видеть нигде.

– Четвёртая культурная волна в Сибирь и русскую глухомань, – пересчитывал отец, загибая пальцы. – Декабристы, участники польского восстания, социал-демократы и прочие, и последняя, четвёртая – объединительная.

– Прекрасный способ повышения культуры, – иронизировал дед. – Типично наш. А я-то думаю: в чём причина высокого культурного уровня в России?

...Ссылно-поселенцы с первых дней бывали буквально потрясены: они попадали в курортное место; их окружала Казахская складчатая страна: миллион гектаров леса, десять озёр, прекрасный климат. О качестве этого климата говорило то, что возле озёр расположилось несколько туберкулёзных санаториев; известный фтизиатр профессор Халло, тоже ссыльный, с удивлением обнаружил, что результаты лечения туберкулёзных больных в санаториях «Боровое» и «Лесное» выше, чем на знаменитых швейцарских курортах. Правда, он считал, что в равной степени дело тут и в кумысолечении – косяки кумысных кобылиц паслись рядом. Кумыс был дешёв, продукты тоже; ссыльные отъедались и поправляли здоровье.

5-й слайд



6-й слайд



7-й слайд



8-й слайд: портрет мальчика Саши Чудакова

**М.Ч.** Хорошо подготовленный дедом, семилетний мальчик пошел сразу во второй класс.

**Чтец 1.** Отрывок из 7 главы под названием «Кавалер Большой золотой медали Великого Князя». (*См. Приложение, Отрывок 1*)

**М.Ч.** Город был местом ссылок сталинского времени, поэтому уровень преподавания в школе, где среди учителей были доценты ленинградских вузов, оказался достаточно высоким. Мать преподавала химию в его школе, отец – историю в техникуме. Оба учительствовали в своем городе более тридцати лет; полгорода составляли их ученики. Главное влияние на формирование личности и мировоззрения Александра Чудакова в детстве и отрочестве оказал дед, Леонид Львович авторитет которого был в глазах ребенка незыблем.

### *9-й слайд – портрет деда*

**А.Ч.** (из дневника 1987 года). Дед - человек, которому я более всего обязан своим миропониманием.

**Критик 2.** Главный герой книги, написанной одновременно и от первого, и от третьего лица (повествователь предстает то как «Антон», то как «я»), – не рассказчик, а его дед Леонид Львович Саввин. (фамилия деда А.Чудакова – Савицкий). Родившийся еще в 1870-е гг. и получивший духовное образование в царской России, этот человек дожил до глубокой старости в России глубоко советской.

**Чтец 2.** Отрывок из 38 главы «И все они умерли» (см. Приложение, Отрывок 2)

### *10-й слайд портрет А.Чудакова-студента, 1958 г.*

**М.Ч.** В 1954 году Чудаков окончил школу с золотой медалью и впервые в жизни поехал в Москву, о которой так много слышал от родителей, покинувших ее поневоле. Успешно пройдя собеседование (в тот год конкурс медалистов был 25 человек на место), он поступил на филологический факультет МГУ. Сегодня немало его однокурсников еще могут подтвердить, что уже на первом курсе он оказался среди лучших – обладателей достаточно широкого культурного кругозора, нетривиально мыслящих.

Главные его занятия (и главные траты – скудной стипендии и небольших родительских переводов) первых московских лет – Консерватория, МХАТ и букинистические магазины. В 1960-м заканчивает университет, преподает, поступает в аспирантуру.

В 1966 году им была написана кандидатская диссертация «Эволюция стиля прозы Чехова». В ноябре 1971 года вышла в свет его книга «Поэтика Чехова», через пятнадцать лет – «Мир Чехова», а затем биография писателя «Антон Павлович Чехов: Книга для учащихся». А. Чудаков рассматривает в своих книгах и множестве статей о Чехове процесс возникновения в его творчестве предметного изображения нового типа. Чудаков вообще первым обратил внимание на важность исследования предметного мира литературы.

**А.Ч.** (из дневника 1985 года). Вдруг пришла в голову простая мысль: все мои идеи о предметном мире, экологии, современном человеке и вещеустройстве мира и не могут вписаться в традиционные жанры статей... Об этом надо писать прозу!

**М.Ч.** Книгу о своем детстве Александр Чудаков задумал давно. Но писать взялся только в 1996 году.

**А.Ч.** (из дневника 1999 года) Мариэтта сказала, что уговаривала меня писать с тех самых пор, когда впервые услышала мои рассказы про наш ссыльный город. Собрался – через 40 лет! (из дневника 1996 года) ...Это будет последний роман-идиллия – ностальгия по доиндустриальной эпохе, но не патриархальной, как у Ф. Искандера, а русско-интеллигентски-патриархальной, осколок дворянского XIX века.

**Критик 1** Чудаков, вслед за Дефо, создает просветительскую утопию труда, и замкнутый цикл натурального хозяйства чебачинских поселенцев – своего рода островная автономия. Главное свойство предметного мира, по Чудакову, – его устойчивость: “законов рождения и жизни вещей и растений не в состоянии изменить никакая революция”. Нематериальный человеческий мир хрупок и подвластен истории, его можно переиначить, разрушить, поставить с ног на голову. Предметный, как это ни парадоксально, переиначить нельзя.

**Чтец 3.** Отрывок из 12 главы «Натуральное хозяйство XX века» (см. Приложение, Отрывок 3)

**Критик 2.** С хронологией рассказчик Антон Стремоухов, то есть Александр Чудаков, обращается вольно, легко переносясь из 1940-х в 1970-е и обратно, зацепившись за какую-нибудь вещь или мысль. Свободное плавание по воспоминаниям создает удивительный эффект: вся отечественная

история XX в. предстает перед нами как нечто единое и неразрывное, сконцентрированное в одной географической точке – североказахстанском городе Чебачинске.

**А.Ч.** (из дневника 1998 года) Мне интересен в герое не ребенок, а тот, кто запомнил взрослую жизнь 50 лет назад, т. е. запомнил уже – историю.

**Критик 1.** Книга «Ложится мгла на старые ступени» подобна коллекции древних предметов и драгоценностей: это вещи, люди, умения, которых сегодня не отыскать днем с огнем. Немец-кондитер, делавший не торты – произведения искусства; сапожник, изготавливающий такие сапоги в степной глуши, какие могут сравниться только с парижскими моделями; старый матрос из экипажа крейсера «Варяг», способный с ходу развенчать любой миф о Русско-японской войне; геолог, за год скапливающий целое состояние – чтобы месяц на широкую ногу гулять в знаменитых московских ресторанах и посещать все театральные премьеры... Один персонаж другого необычнее – но необычность эта иллюзорна, поскольку для самого Чудакова подобные люди были нормой. Каждый был непревзойденным мастером в каком-либо деле, а то и во множестве дел, как Леонид Львович; а когда практические навыки сочетались с трудолюбием – отнюдь не редкость! – человеку становились нипочем любые трудности.

**Чтец 3.** Отрывок из 36 главы «Мама» (см. Приложение, Отрывок 4)

**Критик 2.** Герои Александра Чудакова завораживают, но еще большее впечатление производит отношение автора к людям, к любым – от тех, кого почти боготворит (дед), до тех, к кому он снисходителен. Обо всех без исключения рассказчик говорит с такой теплотой и с такой любовью, какие в современной литературе не встретишь никогда. Если где-то в романе и появляется ирония, то очень мягкая; повествователь не позволяет себе судить и осуждать кого-либо. Любовь к людям пробивается сквозь мрачные картины российской истории, поэтому книга дарит веру в лучшее.

**Критик 1.** Ключ к пониманию романа «Ложится мгла на старые ступени», на мой взгляд, в крошечном эпизоде, где один из героев, гостивших у Саввиных-Стремоуховых, вспоминает Леонида Львовича: «Когда я уходил, он посмотрел на меня и сказал, хотя про свои настроения я, естественно, ничего не говорил, что один из самых больших грехов – грех уныния. “Смеяться-веселиться?” – сказал я, может, несколько раздраженно. “Православное духовное веселие не в смехе, – ласково сказал он, – но в житие с улыбкой”». Об этом, о «житии с улыбкой» весь роман – не даром и назван он «романом-идиллией».

**Чтец 2.** Отрывок из 8 главы «Гений орфографии Васька Восемьдесят Пять» (см. Приложение, Отрывок 5)

**Ведущий.** Александр Павлович! Скажите, какую задачу вы ставили перед собой, начиная писать роман?

**А.Ч.** В моем романе есть такие строки: «Разговоры с дедом почему-то чаще всего наталкивали на тему, которую Антон озаглавливал "О тщете исторической науки" Что может твоя наука, историк Стремоухов? Пугачёвский бунт мы представляем по "Капитанской дочке". И появившись еще куча исследований - уточняющих, опровергающих - пугачёвщина останется в сознании нации такою, какой она изображена в этой повестушке». Образ того времени и того пространства, откуда родом я, Александр Чудаков, адекватного художественного воплощения не имел и мог исчезнуть из сознания народа. Чтобы этого не произошло, я решил написать об этом роман, ведь ни документами, ни учеными исследованиями образ эпохи не создается.

**Ведущий.** Скажите коротко, о чем получилась книга?

**А.Ч.** Это книга о том, как сохранилась Россия. Мыслящая.

**Ведущий.** Тот же вопрос Мариэтте Омаровне и уважаемым критикам.

**М.Ч.** Это одна из тех редких книг, в которой – Россия как таковая. Книга помогает ощутить, что Россия – наша страна. Для меня смысл книги в первую очередь в этом.

**Критик 1.** Это книга о тяжелых временах, о войне, такой, как она видится из глубокого тыла, куда доходит голодом и отсутствием всего необходимого. Но в повествовании нет надрыда, нет жалоб, обличений, нет даже авторских оценок, просто картинки из жизни.

#### *11-й слайд*

**Критик 2.** - “Ложится мгла на старые ступени” – прежде всего книга о сохранении семьи и ее культурного уклада. Это все тот же семейный эпос, и необыкновенность его сюжета именно в правильном течении жизни, которая сложилась, несмотря ни на что.

**Ведущий.** В конце романа две главы посвящены родителям рассказчика, они так и называются: «Мама», «Отец». Чудаков в них пишет о своих родителях. По тому, как автор пишет об отчем доме, становится понятно, какое огромное значение в формировании человека имеет семья. Книга вообще несёт большой нравственный воспитательный заряд, и это не в словах, а в общей атмосфере романа.

Завершается книга главой, которая мучительно писалась автором. В дневнике 2000 года читаем: «Пишу главу – последнюю – «И все они умерли». Как будто еще раз всех хороню. Тяжело». Первоначальное название романа было – «Смерть деда». Затем книга была названа строкой стихотворения А.Блока из цикла «Стихи о Прекрасной Даме» - «Ложится мгла на старые ступени...»

#### *Чтение стихотворения – Критик 1*

**Ведущий.** Мысль о забвении? Но вспомним продолжение: «Я озарен, я жду твоих шагов...»

**Чтец 1.** Отрывок из последней главы «И все они умерли» (см. Приложение, Отрывок 6)

#### *Звучит Реквием Моцарта*

*(на 2 минуте звук тише, чтец читает на фоне музыки)*

Дед умер накануне Пасхи. В последний раз придя в сознание, он спросил, какой сегодня день. Была Страстная Пятница. Проговорил: «Как хорошо... умереть в...»

С детства у Антона всегда было какое-нибудь желанье: иметь настоящие фабричные лыжи, щенка, переныривать 50-метровый бассейн туда и сюда, увидеть океан, иметь большую библиотеку. О каждом очередном он привык сообщать деду. И всякий раз интересовался: дед, а чего бы хотел ты? Дед говорил: чтоб ты не мешал мне спать после обеда, или: чтобы в «Правде» был хоть один процент правды. В последний приезд Антона сказал: умереть под Пасху, в Великую неделю.

На похороны Антон опоздал.

...Добирался Антон четверо суток; впервые в поезде, самолёте ничего не писал и не читал. Но думал не о дедке — о смерти вообще. Само понятие о ней вошло в него с дедом. Он всегда был старше всех, и когда в Антоновом сознании возраст связался с нею, и он вдруг понял, что она больше всего угрожает деду, он плакал полночи, закутав голову одеялом.

Но годы шли, умирали соседи, учителя, все были моложе деда, а он всё жил и жил, здоровей и сильнее молодых, и идея смерти померкла в сознании Антона.

Вернулась она уже в университете, в связи с Моцартом и — особенно остро — с Пушкиным. С какого-то времени он начал переживать смерть Пушкина как личное горе, свой день рождения, совпадающий с датой его смерти, праздновать перестал...

#### *Звучит Реквием Моцарта*

...На другой день к вечеру отправились с Тamarой на кладбище.  
Подошли к дедовой могиле. Тётка перекрестилась,  
— Ну, что скажешь нам?

Антон смотрел на глинистый, начавший подсыхать могильный холм, на расплывшуюся надпись на ленте. Здесь лежит тот, кого он помнит с тех пор, как помнит себя, у кого он, слушая его рассказы, часами сидел на коленях, кто учил читать, копать, пилить, видеть растение, облако, слышать птицу и слово; любой день детства невоспоминаем без него.

И без него я был бы не я.

Почему я, хотя думал так всегда, никогда это ему не сказал? Казалось глупым произнести «Благодарю тебя за то, что... Но гораздо глупее было не произносить ничего. Зачем я спорил с ним, когда уже понимал всё? Из ложного чувства самостоятельности? Чтобы в чём-то убедить себя? ...Ты слышишь меня? Я ненавижу, я люблю то же, что и ты. Ты был прав во всём!

*Звучит Реквием Моцарта (затихает на 3 минуте)*

**Ведущий.** Уважаемые критики! Почему вы назвали роман «Ложится мгла на старые ступени» лучшей русской книгой нового века?

**Критик 1.** Вероятно, потому что он достойным образом – без умственных литературных игр – осмысливает и продолжает традицию, не пытаясь ее завершить, опрокинуть, похоронить. Скорее, он дает надежду.

**Критик 1.** И еще потому что он возвращает русской литературе героя и разрушает банальную истину про русского интеллигента, слабого и нежизнеспособного, про “лишнего человека”, погубившего патриархальную великую страну. Впервые за много лет русский герой оказался сильным человеком, который не погибает, но выживает, сохраняет и сохраняется. Он истинный интеллигент, в самом правильном значении этого слова, труженик и созидатель, мудрый воспитатель, хранитель русской культуры. Кажется, что именно он в ответе за все происходящее – и в семье, и в стране. О таких людях говорят: на них земля держится.

**Ведущий.** В заключение хочу сказать, что эта заслуживает не только премий и положительных критических отзывов, но гораздо большего – она заслуживает читателя. Эту книгу обязательно нужно читать юношеству. Это книга памяти нашей страны, нашей России. Река истории движется в одну сторону, и остановить ее мы не можем, но у нас есть память. Память – для того, чтобы хранить доброе и чтобы не повторять злое.

*(актеры и чтецы сходят со сцены)*

*Звучит песня «Гляжу в озера синие» в исполнении хора девушек-участниц,*

*сопровождение - видеоролик к песне.*

#### **Использованная литература:**

1. А. П. Чудаков «Ложится мгла на старые ступени», Москва, «Время», 2014
2. А. П. Чудаков. Из дневников, записных книжек, писем. Приложение к книге «Ложится мгла на старые ступени», Москва, «Время», 2014
3. Александр Павлович Чудаков: Сборник памяти. М., 2013
4. И. Булкина. История внука века. Знамя № 8, 2012.
5. С. Бочаров. Большой человек, собеседник великих. Новая Газета, № 74 от 06 октября 2005 г
6. Н. Л. Елисеев. Новая Русская Книга. Критическое обозрение № 1, 2000.

## Приложение

### 1 отрывок (из 7 главы Кавалер Большой золотой медали Великого Князя)

В школу Антон пошёл в первый послевоенный год — во второй класс. Получилось это так.

После обеда, когда дед отдыхал, Антон забирался к нему на широкий топчан. Над топчаном висела географическая карта. Между делом, незаметно дед выучил его по этой карте читать не по слогам, а по какой-то его особой методике, сразу целыми словами.

... — И давно ты умеешь читать, Антоша?

Этого я не помнил, мне казалось, что я умел читать всегда.

— И считать умеешь?

Дед выучил Антона и счёту, сложению-вычитанию в пределах сотни; таблицу умножения он показывал, играя «в пальцы», и Антон, тоже между прочим, её запомнил.

— Что будем делать? — сказал отец. — В первом классе станут только алфавит мусолить полгода! Надо отдавать сразу во второй.

Было решено, что Антон идёт осенью этого года во второй класс, а дед начинает немедленно, после дня рождения Антона, с 13 февраля заниматься с ним науками не на топчане, а как полагается, за столом, и не когда захочется, а каждый день; чистописание будет контролировать мама как бывшая учительница начальной школы.

Они стали заниматься. За столом всё же почти не сидели — дед считал, что усвоение гораздо успешнее происходит не за партой.

— Кюнце погубил не одно поколение, — говорил он в спорах на эту тему с мамой (позже Антон узнал, что этот Кюнце — изобретатель парт с ячейками для чернильниц и откидными крышками...

Бабка рассказывала, что когда она приносила деду завтрак (*в бытность его учителем в гимназии*), то нельзя было понять, перерыв или урок — во время занятий у деда сидели кто где хотел — на подоконниках, на полу, некоторые при решении задач предпочитали бродить по классу, как на популярной картине передвижника Богданова-Вельского «Устный счёт».

Басни Крылова всегда разыгрывались в лицах: Волк — в волчьей шубе, Ягненок — в вывороченной овчинной. Уроков как временных отрезков с обязательной сменой предмета не существовало — иногда басенный театр занимал всё учебное время этого дня, зато другой могли целиком посвятить грамматике или математике: если дети увлеклись игрой в числа или корни, занятие это не прерывалось.

Географии и естествознанию дед обучал не в классе, а на прогулках в лесу: лучше делал только какой-то Платон, занимавшийся со своими древними греками в апельсиновой роще. Дед учил определять высоту деревьев, а когда задирали головы, пользуясь случаем, рассказывал, на какой высоте стоят облака перистые (*cirrus*) и на какой — перисто-кучевые (*cirro-cumulus*), чем оперенье малиновки отличается от оперенья иволги, какие и где у них гнёзда, учил распознавать их голоса, кстати сообщая, что кукушка кукует, не раскрывая клюва.

...Дед постоянно пополнял в сознании Антона — как бы сейчас сказали — Книгу рекордов Гиннеса в природе, рассказывая про всё самое-самое: самый быстрый зверь, развивающий скорость 110 вёрст в час, — гепард (ему, как и борзой, гибкий позвоночник позволяет выбрасывать задние ноги далеко вперёд); самый сильный звук в истории — взрыв в 1883 году вулкана с замечательным именем Кракатау, звук этот был слышен за пять тысяч километров.

Уроки начинались с арифметики. Самое интересное были задачи-загадки: «Летела стая гусей. Навстречу им — один гусь. — Здравствуйте, сто гусей! — Нас не сто. Вот если б было ещё столько, да ещё полстолька, да ещё четверть столько, то было бы сто. Сколько гусей было в стае?»

Дальше шла грамматика — писали тоже на печке, потому что можно было стирать, например, мягкие знаки в предложении: «Борись за уголь, сталь» — получалось: «Борис за угол стал». Писали и другие интересные фразы — если читать наоборот, выходило то же самое; называлось: перевертень. Самый лучший был придуман поэтом Державиным, стихи которого деду очень нравились, а Антону — нет, но за эту фразу Антон поэта очень зауважал: «Я иду с мечем судия».

В грамматике вообще увлекательного было много.

Почему говорят: ари-стократ, а не кричи-стократ, осто- рожно, а не осто-овёсно, до свидания, а не до сви-Швеция?

Не скрыл дед и потясающее слово, с которым связана страшная тайна. Все думают, что во всём русском языке есть только одно слово с тремя буквами «е»: длинношеее. И один дед знал второе. Однако предупредил, что больше его никому нельзя называть.

...Дед высчитал, когда не только он, а всякий гражданин России будет знать второе слово. Сам дед до этого времени дожить даже и не думал, но полагал, что доживёт Антон, проверит и скажет: «А ведь старик-то был прав!» На всеобщее раздумье дед клал четыре десятилетия. Дед, ты оказался точен: через сорок два года я прочел в «Учительской газете», что на этот вопрос ученики четвёртого класса ответили хором: «Зме-е-ед!»

## **2 отрывок (из 38 главы И все они умерли)**

— Когда я поступил в семинарию, не было никаких аэропланов, авто, телефон и электричество только начинались... А теперь? Как вместить это в сознание?

Кажется, он так и не вместил. До конца воспринимал радио как чудо: безо всяких проводов — через тысячи километров! И часто оговаривался, называя это чудо беспроволочным телеграфом. Заразил удивленьем и Антона, а тот пробовал передать его уличным друзьям, но они, хотя и не знали, как передаются радиоволны, почему-то не удивлялись.

Дед знал два мира. Первый — его молодости и зрелости. Он был устроен просто и понятно: человек работал, соответственно получал за свой труд и мог купить себе жильё, вещь, еду без списков, талонов, карточек, очередей. Этот предметный мир исчез, но дед научился воссоздавать его подобие знанием, изобретательностью и невероятным напряжением сил своих и семьи, потому что законов рождения и жизни вещей и растений не в состоянии изменить никакая революция. Но она может переделать нематериальный человеческий мир, и она это сделала. Рухнула система предустановленной иерархии ценностей, страна многовековой истории начала жить по нормам, недавно изобретённым; законом стало то, что раньше называли беззаконием. Но старый мир сохранился в его душе, и новый не затронул её. Старый мир ощущался им как более реальный, дед продолжал каждодневный диалог с его духовными и светскими писателями, со своими семинарскими наставниками, с друзьями, отцом, братьями, хотя никого из них не видел больше никогда. Ирреальным был для него мир новый — он не мог постичь ни разумом, ни чувством, каким образом всё это могло родиться и столь быстро укрепиться, и не сомневался: царство фантомов исчезнет в одночасье, как и возникло, только час этот наступит нескоро, и они вместе прикидывали, доживёт ли Антон.

## **3-й отрывок (из 12 гл. Натуральное хозяйство XX века)**

Мальчик и Зорька были основой мощного и разветвлённого хозяйства Саввиных — Стремоуховых. Выращивали и производили всё. Для этого в семье имелись необходимые кадры: агроном (дед), химик-органик (мама), дипломированный зоотехник (тётя Лариса), повар-кухарка (бабка), чёрная кухарка (тётя Тамара), слесарь, лесоруб и косарь (отец).

Умели столярничать, шить, вязать, копать, стирать, работать серпом и лопатой. Бедствиям эвакуированных не сочувствовали: «Голодаю! А ты засади хотя бы сотки три-четыре картошкой, да капустой, да морковью — вон сколько земли пустует! Я — педагог! Я тоже педагог». Самой низкой оценкой мужчины было: топора в руках держать не умеет.

В этой стране, чтобы выжить, все должны были уметь делать всё.

Огород деда, агронома-докучаевца, знатока почв, давал урожаи неслыханные. Была система перегнойных куч, у каждой — столбик с датой заложения. В особенных сарайных убегах копились зола, гашёная известь, доломит и прочий землеудобрительный припас.

Торф, привозимый с приречного болота, не просто рассыпали на огороде, но добавляли в коровью подстилку — тогда после перепревания в куче навоз получался особенно высокого качества. При посадке картофеля во всякую лунку сыпали (моя обязанность) из трёх разных вёдер: древесную золу, перегной и болтушку из куриного помёта. Соседи смеялись над столь сложным и долгим способом посадки картошки, простого дела, но осенью, когда Саввины на своём огороде из-под каждого куста сорта лорх или берлихинген накапывали не три-четыре картофелины, а полведра и некоторые клубни тянули на полкило, смеяться переставали.

На нашем огороде росло всё. Тыквы выбухали огромные — делалось понятно, как такую волшебница в «Золушке» превратила в карету. Очень сожалел дед, что на приусадебных участках почему-то запрещали сеять зерновые.

Сахар исчез из магазинов в первый же день войны.

Надо было налаживать сахарное производство. Засадили солнечную сторону огорода сахарной свёклой. Всё лето сушили и строгали, подгоняя заподлицо доски для пресса. Сахар не делали, а вытомляли коричневую патоку, но Антону она нравилась даже больше. Потом он не раз хотел сделать такую патоку для дочки, но как-то не собрался.

Однако технологию запомнил на всю жизнь — со слов бабки, которая настойчиво делилась всякими рецептами; в её глазах стояло постоянное удивление, почему все не работают так, как её семья, — ведь вполне можно прокормиться в самое голодное время.

...Хлеб тоже пекли сами. По карточкам его давали раз в неделю, а то и реже, в остальные дни отоваривали пшеном, шрапнелью, полбой (каша из неё Антону нравилась — за название). Сентябрь — октябрь в техникуме не учились, работая на уборочной (колхозников там в это время видели редко).

Отцу и матери, выезжавшим со своими студентами, выписывали трудовни и как работникам, и как бригадирам (плюс один трудовень). За два месяца выдавали по два мешка зерна, которое возили на пар-мельницу или, если она не работала, мололи на ручных жерновках (разовый измолот был невелик, но крутили по многу часов всей семьёй), потом бабка пекла в русской печи хлеб. Позже, в Москве, мама не уставала удивляться, почему батоны черствеют на второй день. Не может быть, чтобы специалисты не знали, что черствение связано с ретроградацией крахмала — его обратным переходом из аморфной в кристаллическую форму и что чем лучше хлеб пропечён, чем он пористей, чем больше в нём клейковины, тем медленнее он стареет. Наш хлеб был мягким неделю.

Чувствительнее всего ощущалось отсутствие клея — без него невозможно было изготавливать всякие поделки из разрезного детского календаря и игрушки к Новому году. Из чего его только не делали — из крахмала, выварки рыбьей чешуи и телячьих копыт. Из всего клей получался равно скверный. Антон очень обижался на автора «Двух капитанов», который много раз упоминал про сильный клей, изготавливаемый в романе Сковородниковым, но так и не сообщил рецепта.

Вершиной хозяйственно-производственной деятельности клана было изготовление медицинского градусника. Ртуть, большую и малую стеклянные трубки принесла из лаборатории мама, потом их заплавляли на примусе, дня три все повторяли замечательные слова: вакуум, шкала, градуирование. Совсем маленькой трубки не нашлось, поэтому градусник получился большой, вроде настенного.

Но верхом мудрости Антону казалось составление календаря, чем дед занимался каждый год 31 декабря; рукописный календарь вывешивался вечером у него над тумбочкой. Было непостижимо, как можно узнать, в какие числа будет воскресенье, а в какие — понедельник, вторник.

Если б в дом Саввиных — Стремоуховых попал англичанин, он бы подумал, что тут живут члены некоего общества в Великобритании, не пользующиеся никакими новшествами, появившимися после 1870 года.

...Дед как будто знал, что будет война и исчезнут многие необходимые предметы: в кладовке у него хранились фитили, листы оконного стекла, сургуч, канифоль, точильные бруски, мешковина, полотна ножовок по металлу, болты и гайки, ненасажённые топоры и молотки, куски сапожного вара, пряжки, мусаты, напильники. Видимо, таким же знанием обладала и бабка, потому что среди её запасов были иголки, пуговицы, напёрстки, нитки мулине и обычные (в ненавистных комках), тесьма, обрезки флизелина, корсажная лента, бахрома, клеёнка, скатерти и даже неиспользованные простыни голландского полотна.

Может, такими запасливцами и выжила огромная страна, её гигантский тыл, где всё было для фронта, всё для победы, где практически исчезли магазины и годами не поступали населению кастрюли, бритвы, градусники, ножницы, зубные щётки, очки.

#### 4-й отрывок (из 36 главы «Мама»)

Главное детское воспоминание о маме: возвратившись с занятий, она лежит, положив на ухо подушку и укрывшись старой беличьей шубой — значит, ещё война, потому что шубу продали уже после. И не хочет вставать на ужин — это было непостижимо. Только когда Антон сам стал преподавать, он отдалённо стал представлять, что такое три полные ставки — десять, а то и двенадцать уроков в день.

...А в учительницы мама попала так. На руднике сначала устроилась счетоводом. Впрочем, это только называлось так, а на деле она переписывала (машинка была только в секретариате директора) своим замечательным почерком ведомости и полугодовые отчёты. Когда она переписала китайской тушью и пером № 86 первый, выполнив начальную буквицу церковно-славянским шрифтом и разрисовав синими и красными чернилами и зелёнкой, сбежалось смотреть всё управление рудника.

А главбух была женой директора школы, очень энергичного хохла. Он увидел у неё отчёт и загорелся.

— Це то, що нам потребно! Вченики пишуть, як куриця лапою! Ты будеш в мене вчилкой.

— Та мни ж мало рокив.

— Хиба ж шестнадцять мало? Взросла дивчина.

— Та я нэ умию.

— Та поможем.

И я стала преподавать в первом классе. Старалась подражать деду.

— И получалось?

— Не совсем. За первую четверть человек пять — шесть не научились читать. Все — из семей старателей, дети пьяного зачатия, с отсталым развитием. Я оставалась с ними после уроков на два-три часа, приходили они и по воскресеньям — ничего не помогло. Я не хотела, но пришлось обратиться к деду.

— А он?

— Научил за четыре занятия. Говорил: нет того дитяти, кого не обучить читати.

— В чём же заключался секрет?

— Да ничего особенного. С одними пел: ма — а — а — ммм — а — а — а мы — ы — ы — ллл — а — а — а Ма — а — шшш — у — у... у — у — у! С другими маршировал по классу: Бог! Дай! Ум! — Дай! Ум! Бог! — Ум! Дай! Мне! А третьим на каждый слог велел хлопать крышкой парты. Директор только головой крутил. Но к Новому году все мои отсталые читали.

#### 5 отрывок (из 8 гл. Гений орфографии Васька Восемьдесят Пять)

Всякий раз, когда Антон видел кирпич или слово «кирпич», он вспоминал Ваську Гагина, который это слово писал так: кердпич. Слово исчерчивалось красными чернилами, выводилось на доске. Васька всматривался, вытягивал шею, шевелил губами.

А потом писал: «керьпичь». Когда учительница поправляла: падежи не «костьвенные», а косвенные, Васька подозрительно хмурил брови, ибо твёрдо был уверен, что название это происходит от слова «кость»; Клавдия Петровна в конце концов махнула рукой. Написать правильно «чеснок» его нельзя было заставить никакими человеческими усилиями — другие, более мощные силы водили его пером и заставляли снова и снова догадливо вставлять лишнюю букву и предупредительно озвончать окончание: «честног».

Из своего орфографического опыта он сделал незыблемый вывод: в русском языке все слова пишутся не так, как произносятся, причём как можно дальше от реального звучания. Все исключения, непроезжимые согласные, звонкие на месте произносимых

глухих, безударные гласные — всё это бултыхалось в его голове, как вода в неполном бочонке, который везут по ухабам, и выплёскивалось с неожиданной силой.

В четвёртый класс измученная Клавдия Петровна перевела Ваську с переэкзаменовкой по русскому языку. Васькин дядька (родителей у него не было) отчесал его костылём. И пообещал повторить воспитание осенью, если Васька не перейдёт в следующий класс.

Надо было Ваську выручать. Мы стали писать с ним диктанты. Результат первого был ошеломляющий. В тексте из ста слов мой ученик сделал сто тридцать ошибок. Дед посоветовал, проработав их с Васькой, ту же диктовку повторить. Васька сделал сто сорок. Дед сказал, что за тридцать пять лет преподавания такого не видывал — даже в партшколе и на рабфаке. Мне тоже

с тех пор приходилось читать разные тексты — заочников, слушателей ветеринарных курсов, китайцев, вьетнамцев, студентов с Берега Слоновой Кости, корейцев. Ничего похожего не было и близко. Думаю, и не будет. Васька был гений и как всякий гений был неповторим. Где, чья изощрённая фантазия додумалась бы до таких шедевров, как «пестмо», «пе-джаг», «зоз-тёжка»? Когда и кто бы ещё смог «абрикос» превратить в «аппрекоз»?..

... Но прославился Василий не своей орфографией, с которой был знаком лишь узкий круг. Славу ему принесло художественное чтение стихов — его главная страсть.

На уроках он о чём-то думал, шевеля губами, и включался только когда Клавдия Петровна задавала на дом читать стихотворение.

— Назуст? — встрепёнывался Васька.

— Ты, Вася, можешь выучить и наизусть.

Он выступал на школьных олимпиадах и смотрах. На репетициях его поправляли, он соглашался. Но на сцене всё равно давал собственное творческое решение. Никто так гениально-бессмысленно не мог расчленить стихотворную строку. Стихи Некрасова Умру я скоро. Жалкое наследство, О родина, оставляю я тебе Вася читал так:

— Умру я скоро — жалкое наследство! — и, сделав жалистную морду, широко разводил руками и поникал головою.

Отрывок из «Евгения Онегина» «Уж небо осенью дышало», который во втором классе учили наизусть, в Васиной интерпретации звучал не менее замечательно: Уж реже солнышко блистало, Короче: становился день.

После слова «короче» Вася деловито хмурил свои тёмные брови и делал рубящий жест ладонью, как зав РОНО Крючков.

В «Родной речи» были стихи: Я — русский человек, и русская природа Любезна мне, и я её пою.

Я — русский человек, сын своего народа, Я с гордостью гляжу на Родину свою.

Вася, встав в позу, декламировал с пафосом:

- Я русский человек — и русская порода!

Шедевром Васи было стихотворение «Смерть поэта»: «Погиб поэт — невольник! Честипал! Оклеветанный! — Вася, как Эрнст Тельман, выбрасывал вперёд кулак. — Молвой с свинцом!»

Дальнейшую интерпретацию текста за громовым хохотом и овацией разобрать было невозможно. Васька был гений звучащего стиха.

## **6-й отрывок из последней главы «И все они умерли...»**

Дед умер накануне Пасхи. В последний раз придя в сознание, он спросил, какой сегодня день. Была Страстная Пятница. Проговорил: «Как хорошо... умереть в...»

С детства у Антона всегда было какое-нибудь желание: иметь настоящие фабричные лыжи, щенка, переныривать 50-метровый бассейн туда и сюда, увидеть океан, иметь большую библиотеку. О каждом очередном он привык сообщать деду. И всякий раз интересовался: дед, а чего бы хотел ты? Дед говорил: чтоб ты не мешал мне спать после обеда, или: чтобы в «Правде» был хоть один процент правды. В последний приезд Антона сказал: умереть под Пасху, в Великую неделю.

На похороны Антон опоздал.

...Добирался Антон четверо суток; впервые в поезде, самолёте ничего не писал и не читал. Но думал не о деду — о смерти вообще. Само понятие о ней вошло в него с дедом. Он всегда был старше всех, и когда в Антоновом сознании возраст связался с нею, и он вдруг понял, что она больше всего угрожает деду, он плакал полночи, закутав голову одеялом.

Но годы шли, умирали соседи, учителя, все были моложе деда, а он всё жил и жил, здоровей и сильнее молодых, и идея смерти померкла в сознании Антона.

Вернулась она уже в университете, в связи с Моцартом и — особенно остро — с Пушкиным. С какого-то времени он начал переживать смерть Пушкина как личное горе, свой день рождения, совпадающий с датой его смерти, праздновать перестал...

...На другой день к вечеру отправились с Тamarой на кладбище.

Подошли к дедовой могиле. Тётка перекрестилась,

— Ну, что скажешь нам?

Антон смотрел на глинистый, начавший подсыхать могильный холм, на расплывшуюся надпись на ленте. Здесь лежит тот, кого он помнит с тех пор, как помнит себя, у кого он, слушая его рассказы, часами сидел на коленях, кто учил читать, копать, пилить, видеть растение, облако, слышать птицу и слово; любой день детства невоспоминаем без него.

И без него я был бы не я.

Почему я, хотя думал так всегда, никогда это ему не сказал? Казалось глупым произнести «Благодарю тебя за то, что... Но гораздо глупее было не произносить ничего. Зачем я спорил с ним, когда уже понимал всё? Из ложного чувства самостоятельности? Чтобы в чём-то убедить себя? ...Ты слышишь меня? Я ненавижу, я люблю то же, что и ты. Ты был прав во всём!